

Фортинский Федор Яковлевич

Варяги и Русь

**Историческое исследование С.
Гедеонова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф33

Ф33 **Федор Яковлевич Ф.**
Варяги и Русь: Историческое исследование С. Гедеонова / Фортинский Федор Яковлевич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 47 с.

ISBN 978-5-521-28567-9

ISBN 978-5-521-28567-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

селъ такъ рѣшительно, съ такою силою, съ такимъ запасомъ учености, какъ г. Гедеоновъ. Онъ, можно сказать, разгромилъ эту доселѣ побѣдоносную систему, созданную трудами цѣлаго ряда ученыхъ; по крайней мѣрѣ расшаталъ ее на столько, что въ будущемъ видѣ она уже не можетъ быть восстановлена» ¹⁾).

Пятнадцать лѣтъ, протекшихъ между изданіемъ отрывковъ и выходомъ цѣлаго сочиненія, прошли однако не безполезно для норманистовъ. Ошеломленные сперва нападками г. Гедеонова, на ихъ систему они начали потомъ мало по малу собираться съ силами и отъ отдѣльных замѣчаній на его отрывки перешли къ перестройкѣ своей системы въ новомъ видѣ. Въ это время выступили г. Куннкъ съ своими Hredgoth'ами, Ламбинъ съ дружиною и династією Русь. Правда, нашлись союзники и у г. Гедеонова, боровшіеся противъ норманистовъ; но помогая ему, они однако не приняли его теоріи о вендскомъ происхожденіи рюриковичей, а держались своихъ собственныхъ воззрѣній, и слѣдовательно были столько же врагами, сколько и союзниками нашего автора. Таковы напр.: Щегловъ, вернувшійся къ заброшенной теоріи финскаго происхожденія Русп ²⁾), Иловайскій, признающій Русь туземною и славянскою, но за то отрицающій сказаніе Нестора о призваніи князей, какъ басню, составленную по образцу южнаго преданія о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хорпвѣ ³⁾). Нашелся только одинъ настоящій союзникъ, допускающій вмѣстѣ съ г. Гедеоновымъ вендское происхожденіе князей, Забѣлинъ ⁴⁾), но его книга печаталась одновременно съ изслѣдованіемъ «Варяги и Русь, и потому нашъ авторъ не имѣлъ возможности воспользоваться собраннымъ въ ней матеріаломъ. При такомъ положеніи дѣла на долю г. Гедеонова выпало одновременно бороться и съ возродившимся норманизмомъ, и съ своими новыми союзниками — врагами, и наконецъ докончить главы своего изслѣдованія, остававшіяся до тѣхъ поръ незавершенными. Такъ онъ и дѣлаетъ: переиздавая свои «отрывки», г. Ге-

¹⁾ Н. Ламбинъ. *Источникъ мѣтописнаго сказанія о происхожденіи Русп*. Въ Ж. М. Н. Пр. 1874 г. іюнь стр. 228.

²⁾ Д. О. Щегловъ. *Первыя страницы русской исторіи*. Въ Ж. М. Н. Пр. 1876 г. май и іюнь.

³⁾ Рядъ статей, помѣщенныхъ въ Русскомъ Вѣстникѣ и др. періодическихъ изданіяхъ, начиная съ 1871 г. (Каспій стр. 448), теперь сгруппированъ, переделанъ и изданъ отдѣльною книгою: *Разысканія о началѣ Руси*. Москва 1876.

⁴⁾ И. Забѣлинъ. *Исторія русской жизни съ древѣйшихъ временъ*. 1 ч. Москва. 1876.

деновъ сокращаетъ ихъ тамъ, гдѣ противники признали справедливость его возраженій и отказались отъ своихъ прежнихъ мнѣній, и наоборотъ пополняетъ и видоизмѣняетъ ихъ въ другихъ мѣстахъ, сообразно съ современнымъ положеніемъ варяжскаго вопроса. Что касается до новыхъ главъ, то онѣ частью представляютъ рядъ возраженій противъ норманской системы, не вошедшихъ въ составъ отрывковъ, а главнымъ образомъ даютъ болѣе ясное понятіе о системѣ самого автора и обь основаніяхъ, на которыхъ онъ ее построилъ.

Несмотря на все искусство, съ какимъ г. Геденовъ сдѣлалъ пополненія и измѣненія въ своихъ отрывкахъ, нельзя сказать, чтобы онъ успѣлъ придать всему изслѣдованію вполне цѣльный характеръ. Сообразно съ своимъ основнымъ взглядомъ на Варяговъ-Русь, какъ на двѣ отдѣльныя народности, онъ раздѣлилъ свою книгу на двѣ части и одну посвятилъ Варягамъ, а другую Русп. Въ составъ этой послѣдней части вошли исключительно прежде изданные отрывки¹⁾. Главы, на которыя раздѣлена вторая часть, въ большинствѣ случаевъ носятъ названія тѣхъ писателей, извѣстія которыхъ разбираетъ тамъ нашъ авторъ. Въ распредѣленіи этихъ писателей нельзя уловить ни внѣшней связи — хронологической или по народностямъ²⁾, ни внутренней — по содержанію самихъ извѣстій. Отсутствие связи по всей вѣроятности произошло потому, что авторъ, во время предварительныхъ работъ, перебирая источники, дѣлалъ для себя замѣтки по поводу каждого изъ нихъ; когда же подобныхъ замѣтокъ накопилось довольно много, и онѣ представили собою рядъ вѣскихъ возраженій противъ норманской системы, онъ рѣшился издать ихъ подѣ соответствующимъ заглавіемъ «Отрывки». Въ то время конечно никто не имѣлъ права жаловаться на эту слабую сторону изслѣдованія; тѣмъ не менѣе она была замѣчена. Погодинъ, вознамѣрившійся написать подробный разборъ «Отрывковъ», никакъ не могъ справиться съ приведеніемъ въ систему своихъ замѣчаній³⁾; послѣ неоднократныхъ и

¹⁾ Вѣриѣ I—XII стр. при чемъ V о черноморской Русивы брошенъ совсѣмъ а IX argumentum а silentio перенесенъ въ самый конецъ второй части. Остальные отрывки: о варягахъ, о мнимо скандинавскихъ словахъ въ древне-русскомъ языкѣ, обь именахъ, включены въ различныя главы первой части въ сильной передѣлкѣ.

²⁾ Достаточно взглянуть на оглавленіе второй части, чтобы убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія.

³⁾ М. П. Погодинъ. Г. Геденовъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Руси. Приложение къ VI т. Зап. Ак. Наукъ. Спб. 1864. № 2, стр. 3.

безуспѣшныхъ попытокъ онъ рѣшился наконецъ изложить ихъ, слѣдуя шагъ за шагомъ за г. Гедеоновымъ, т. е. почти безъ всякаго порядка. Если недостатокъ связи между отдѣльными главами былъ вполне понятенъ и извинителенъ, когда онъ выходили подъ именемъ «отрывковъ», то нельзя сказать этого теперь, когда, по словамъ самого автора, его изслѣдованіе является въ цѣломъ своемъ составѣ. Г. Гедеоновъ самъ не разъ указываетъ на необходимость цѣльнаго систематическаго взгляда на варяжскій вопросъ, при чемъ каждому извѣстію, каждому факту, должно быть указано подобающее ему мѣсто, а такая цѣльность воззрѣнія должна отразиться и на систематичности изложенія; если же ея нѣтъ, у читателя невольно возникаетъ сомнѣніе, не требуетъ ли авторъ отъ другихъ того, чего самъ дать не въ состояніи.

Если, во второй части изслѣдованія, читателя поражаетъ отсутствіе органической связи между главами, то въ первой онъ наталкивается на много рода затрудненія, мѣшающія ему слѣдить за развитіемъ мыслей автора. Въ своей книгѣ г. Гедеоновъ преслѣдуетъ двойную задачу: съ одной стороны онъ желаетъ доказать несостоятельность воззрѣній норманистовъ на скандинавское происхожденіе Варяговъ-Руси, съ другой — поставить на мѣсто норманской системы свою собственную, признающую за нашими князьями вендское происхожденіе.¹ Сообразно съ этою двойною задачею въ каждой главѣ онъ частію полемизируетъ съ своими противниками, частію высказываетъ свои собственныя воззрѣнія. Вслѣдствіе непрерывнаго смѣшенія отрицательныхъ воззрѣній съ положительными читателю весьма трудно слѣдить за развитіемъ тѣхъ и другихъ, тѣмъ болѣе, что авторъ, увлекаясь полемикою, вдается въ частности, затеняющія основную его мысль, а главное — не всегда подводитъ итоги къ своимъ изысканіямъ.

Преобладаніе полемическаго характера въ изслѣдованіи г. Гедеонова само по себѣ даетъ понять, что тутъ нечего искать значительнаго количества новыхъ данныхъ для разъясненія варяго-русскаго вопроса, — да, впрочемъ, послѣ полуторавѣковыхъ поисковъ за матеріаломъ по разнымъ отраслямъ знанія трудно было бы и ожидать этого, — вся же сила автора должна заключаться въ его умѣнны обращать съ раньше накопленнымъ матеріаломъ и одѣнивать воззрѣнія, высказанныя его предшественниками. На эту сторону изслѣдованія мы и обратимъ преимущественно наше вниманіе.

Г. Гедеоновъ допускаетъ, вмѣстѣ съ другими изслѣдовате-

лям (за исключеніемъ развѣ одного г. Иловайскаго), что Варяги, давшіе намъ князей, воеводъ, дружинниковъ и въ теченіе двухъ слишкомъ столѣтій принимавшіе участіе во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ русскаго государства, по отношенію къ восточнымъ славянамъ были приплеты, слившіеся съ ними въ одну народность. Строго-научное опредѣленіе происхожденія этихъ Варяговъ и степени ихъ вліянія на восточныхъ славянъ, по его мнѣнію, можетъ быть сдѣлано только на основаніи цѣльнаго, систематическаго взрѣнія, обнимающаго весь ходъ развитія древней русской исторіи. Требования г. Геденова относительно системы, претендующей на подобное значеніе, отличаются большою строгостію: онъ объявляетъ каждую «внѣ права науки, покуда хотя одно изъ возраженій будетъ оставлено безъ отвѣта» ¹⁾). Система должна быть основана не только на письменныхъ свидѣтельствахъ древнихъ русскихъ и иноземныхъ памятниковъ, но и на фактическихъ доказательствахъ, т. е. на изученіи слѣдовъ вліянія Варяговъ на восточныхъ славянъ, при чемъ тѣ и другія доказательства должны быть въ строгомъ согласіи между собою: «свидѣтельства письменныя требуютъ подтвержденія отъ фактовъ и на оборотъ» ²⁾). Самыя фактическія доказательства, принимаемыя въ основаніе системы должны подвергнуться строгой оцѣнкѣ. Система отнюдь не должна смѣшивать примѣтъ знакомства между народностями вслѣдствіе ихъ географическаго сосѣдства съ примѣтами родства или преобладанія одной народности надъ другою, при сліяніи ихъ въ общую націю; иначе легко принять случайный этнографическій элементъ за основной и приписать ему такое вліяніе въ ходѣ древней русской исторіи, какого онъ совсѣмъ не имѣлъ, т. е. принять за Варяговъ-Русь любой изъ народовъ, сосѣдившихъ въ IX в. съ восточными славянами, какъ дѣйствительно и поступали нѣкоторые наши изслѣдователи, принимавшіе участіе въ Варангомахіи ³⁾).

Таковы главныя научныя требованія, съ которыми г. Геденовъ подходитъ къ разбору норманской системы и къ построенію своей собственной. Въ большинствѣ случаевъ онъ старается выполнить ту и другую задачу одновременно: опровергнувъ какое либо положеніе норманской системы, основанное на письменныхъ или фактическихъ доказательствахъ, г. Геденовъ тотчасъ же ставитъ

¹⁾ Стр. 5.

²⁾ Стр. 158.

³⁾ Стр. 55.

на его мѣсто свое собственное, при чемъ частію даетъ иное толкованіе доказательствамъ своихъ противниковъ, частію приводитъ свои собственныя. Такой паралелизмъ много способствовалъ бы ясности изложенія, если бы онъ было строго проведенъ во всей книгѣ. Къ сожалѣнію этого нѣтъ; первой напр. главѣ, опровергающей доказательства норманистовъ относительно слѣдовъ вліянія скандинавовъ на языкѣ, религіи, нравахъ и обычаяхъ восточныхъ славянъ, соотвѣтствуетъ по содержанію девятая, гдѣ приводятся доказательства вліянія вендскаго начала на тѣ же самыя стороны быта нашихъ предковъ; кромѣ того, по мѣстамъ встрѣчаются болѣе или менѣе длинныя уклоненія, имѣющія мало общаго съ главнымъ содержаніемъ главы ¹⁾; объ увлеченіяхъ полемикою и разборомъ частныхъ, нарушающихъ плавность изложенія, равно какъ и объ отсутствіи органической связи между нѣкоторыми главами второй части, было уже упомянуто выше. При такомъ положеніи дѣла, думаемъ, позволительно будетъ, во время изложенія и разбора содержанія книги г. Гедеонова, нѣсколько уклониться отъ того порядка, какой усвоенъ авторомъ въ его изслѣдованіи. Какъ отрицательныя, такъ и положительныя воззрѣнія г. Гедеонова мы соберемъ и изложимъ отдѣльно, по возможности въ той же связи, какую указываетъ самъ авторъ, слѣдовательно — съ соблюденіемъ паралелизма. Разумѣется, въ своемъ изложеніи мы постараемся, насколько можемъ, быть короче и точнѣе.

«При изслѣдованіяхъ о началахъ русскаго государства, говоритъ г. Гедеоновъ въ началѣ второй главы, представляются три вопроса: 1, кто призывалъ варяжскихъ князей? 2, вслѣдствіе какихъ побужденій? 3, кто были призванные варяги? ²⁾».

На первый вопросъ норманисты, основываясь на словахъ Нестора, отвѣчаютъ, что въ дѣлѣ призванія финскія племена были равными съ славянскими ~~участниками~~ участниками, а иные даже полагаютъ, что Чудь, названная въ лѣтописи раньше славянъ, была господствующею народностію и вліянію финновъ приписываютъ усвоеніе славянами имени Руси, какъ назывались на финскомъ языкѣ призванные иноземцы.

«Понятно, замѣчаетъ г. Гедеоновъ, почему норманская школа такъ дорожитъ своею финскою гипотезою; представляя призваніе

¹⁾ Изслѣдованіе о томъ, что Несторъ разумѣлъ подъ выраженіями: словене, словенскій языкъ, плохо вяжется съ основнымъ вопросомъ второй главы: кто призывалъ варяговъ.

²⁾ Стр. 57.

князей общимъ дѣломъ разнородныхъ финно-славянскихъ племенъ, она тѣмъ хотя нѣсколько умалаетъ невѣроятность избранія славянами князей изъ враждебной народности ¹⁾. Но это мнѣніе несогласно ни съ ходомъ русской исторіи, ни съ извѣстіями лѣтописца. Призванные князья появляются среди славянъ въ Новгородѣ, въ Изборскѣ и Бѣлоозерѣ; финскія племена, даже участвовавшія въ призваніи, выставляются у Нестора данниками; имя Руси, въ убѣжденіяхъ лѣтописца, переходитъ только на славянскія, а отнюдь не на финскія народности ²⁾.

Не болѣе убѣдительно, по мнѣнію г. Гедеонова, и разъясненія, даваемыя норманистами относительно мотивовъ призванія. Шлеперъ, вопреки положительному сказанію лѣтописца, не допускаетъ призванія князей въ смыслѣ правителей, а видитъ въ нихъ оберегателей границъ; но непонятно, почему славяне и Чудь могли призвать въ оберегатели тѣхъ самыхъ, кого предъ тѣмъ изгнали, какъ притѣснителей. Сознывая основательность этого возраженія, Погодинъ полагалъ, что призваны были не изгнанные, а особое племя норманское, Варяги-Русь, съ которыми славяне раньше состояли въ мирныхъ сношеніяхъ; но не вѣроятно, чтобы призваніе иноплеменныхъ князей могло много разниться отъ завоеванія. Соловьевъ считаетъ цѣлю призванія установленіе наряда, нарушеннаго родовыми усобицами, а въ князьяхъ видитъ третейскихъ судей; но родовыя усобицы были и у другихъ племенъ славянскихъ, однакоже они не ищутъ миротворца у иноплеменниковъ; да и можетъ ли быть миротворцемъ иноплеменникъ, не знающій ни языка, на которомъ долженъ выслушивать притязанія родовъ, ни права, по которому долженъ судить? ³⁾.

Неправильность пониманія побужденій къ призванію была естественнымъ слѣдствіемъ невѣрныхъ представленій норманистовъ о состояніи славяно-русскихъ племенъ предъ самымъ призваніемъ. На этотъ счетъ у нихъ существуетъ два мнѣнія, отличныя по выраженію, но ведущія къ одинаковымъ историческимъ заключеніямъ: Шлепера о дикости и г. Соловьева о младенчествѣ словено-русскихъ племенъ. «И то и другое воззрѣніе, замѣчаетъ г. Гедеоновъ, вынуждено (быть можетъ безсознательно) необходимостію согласовать историческую вѣроятность съ теоріею о скандинавскомъ происхожденіи Руси; добровольная подчиненность славянскихъ племенъ враж-

¹⁾ Стр. 59.

²⁾ Стр. 60.

³⁾ Стр. 87—93.

добному игу полудикихъ нормановъ логически немыслима, если не представить этихъ племенъ стоящими въ IX в. на несравненно низшей ступени гражданского образованія сравнительно съ скандинавами» ¹⁾). Мнѣніе Шлепера основано не на изученіи фактовъ, а на ложныхъ понятіяхъ энциклопедистовъ объ историческихъ началахъ народовъ. «Изслѣдованія, основанныя на положительныхъ фактахъ, утвердили за славянскимъ языческимъ міромъ существованіе, въ извѣстной степени, права, торговли, городовъ, письма, сложной языческой еогоніи, всѣхъ условій общественной жизни ²⁾). Противуположить исторически дознаннымъ фактамъ мрачную картину дикости славянскихъ племенъ у Нестора или у Козьмы Пражскаго, значитъ не вѣдать духа и направленія христіанскихъ лѣтописцевъ среднихъ вѣковъ: отличительная черта ихъ—умышленное униженіе всего былаго съ цѣлью похваленія книжной образованности ихъ времени ³⁾). Что касается до теоріи г. Соловьева, то она, по словамъ нашего автора, утверждается на двухъ положеніяхъ: 1, отдѣльный уединенный бытъ по родамъ этихъ племенъ; 2, управленіе родовъ ненаслѣственными старшинами. Какъ и Шлеперъ, г. Соловьевъ основываетъ свои положенія на извѣстіяхъ Нестора, писавшаго въ концѣ XI или началѣ XII в., и передававшаго намъ не факты, а свои представленія объ устройствѣ словено-русскаго племени въ эпоху язычества. «Въ подобныхъ случаяхъ сказанія лѣтописца имѣютъ вѣсъ только при согласіи съ законамъ исторической аналогіи и правдоподобія, при подтвержденіи ихъ свидѣтельствами современныхъ иноземныхъ писателей ⁴⁾). Но исторія не знаетъ земледѣльческаго народа въ томъ состояніи и при тѣхъ условіяхъ первобытности, въ которыхъ является Русь IX в. у г. Соловьева. Прямыхъ свидѣтельствъ о внутреннемъ состояніи Руси въ IX и предшествовавшихъ вѣкахъ до насъ не дошло, но мы имѣемъ извѣстія западныхъ и византійскихъ писателей, и ни тѣ, ни другіе не выставляютъ прибалтійскихъ и балканскихъ славянъ американскими дикарями или евреями временъ Авраама. Да и въ самой начальной лѣтописи словенорусскій народъ является не въ видѣ отдѣльныхъ родовъ, живущихъ безъ связи и общенія, а распадающимся на племена, имѣющимъ свои города, свое право, свое язычество, свою тор-

¹⁾ Стр. 101.

²⁾ Стр. 103.

³⁾ Стр. 104.

⁴⁾ Стр. 106.

говлю, свои общіе и племенные интересы. Наша исторія при самомъ началѣ знаетъ князей, бояръ, пени, налоги, пошлины и пр. «Варягами ли занесены къ намъ всѣ общественныя учрежденія и званія, о которыхъ упоминается въ первые два вѣка нашей исторіи? иныя конечно, но далеко не всѣ, не большая часть ихъ» ¹⁾).

Допуская противорѣчащее историческимъ фактамъ дикое или младенческое состояніе словенорусскихъ племенъ, норманисты, продолжаетъ г. Гедеоновъ, не знаютъ что дѣлать съ князьями, упоминаемыми въ договорахъ. Они видятъ въ нихъ родичей Рюрика, посаженныхъ въ качествѣ Smákanungar въ Черниговѣ, Полоцкѣ, Переяславлѣ, Ростовѣ, Любечѣ. Но подобное состояніе новорожденного общества условливаетъ цѣлый рядъ явленій, о которыхъ нѣтъ даже и намекъ въ нашей исторіи: почему напр. этихъ малыхъ князей нѣтъ на сѣверѣ при Рюрикѣ, а только на завоеванномъ югѣ при Олегѣ и Игорѣ? Норманское вліяніе должно быть тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ ближе къ началу государства; на какомъ правѣ стояли при Олегѣ и Игорѣ эти родичи? Если на ленномъ, почему нѣтъ слѣдовъ его, и куда дѣвались самые князья? «При норманской системѣ равно невозможны малые князья норманскаго и славянскаго происхожденія; въ послѣднемъ случаѣ отношенія туземныхъ династовъ къ норманамъ-завоевателямъ и князьямъ ихъ представляются неразрѣшимую историческую загадку» ²⁾).

Не выяснивъ хорошо вопросовъ о томъ кто и за чѣмъ призывалъ варяговъ, норманисты, по мнѣнію г. Гедеонова, не вполне вѣрно поняли, и кто такіе были сами призванные варяги. «Слово варягъ дѣйствительно обличаетъ не собственно русское лингвистическое начало, но такъ какъ въ исландскихъ сагахъ оно впервые подъ формою Vaeringiar является около 1020 г., у арабовъ же и византійцевъ подъ формою варангъ въ 1029 и 1034, а на Руси извѣстно уже въ IX в., то мы вправѣ заключить, что это слово зашло къ намъ не арабскимъ, скандинавскимъ или греческимъ путемъ, а стало быть и варяги, отъ которыхъ вышелъ Рюрикъ, были, по всей вѣроятности, не изъ Швеціи» ³⁾. Норманисты не хотятъ допустить этого заключенія: сперва они отыскивали своихъ Vaeringiar въ федератахъ и фарганахъ, но потомъ въ лицѣ Куника сами отказались отъ нихъ. Въмѣсто историческихъ соображеній они прибѣгаютъ теперь къ лингвистическимъ. Куникъ предполагаетъ въ древне-

¹⁾ Стр. 109.

²⁾ Стр. 155—7.

³⁾ Стр. 159.

шведскомъ языкѣ существованіе слова Wåring (отъ wâra—присяга), отъ котораго только и могло произойти наше варягъ и греческое βαράγγος; но эта предполагаемая форма не можетъ устоять противъ дошедшаго до насъ въ названіи о-ва Våringö (ö островъ) подлиннаго древнешведскаго Våring, а норвего-исландскіе источники знаютъ только форму Vaeringi, отъ которой не могли произойти ни русское варягъ, ни греческое βαράγγος. Къ тому же въ памятникахъ скандинавской письменности о вэрингахъ упоминается не ранѣе первой четверти XI в. и это имя въ нихъ носятъ только служившіе въ варангскомъ корпусѣ въ Греціи ¹⁾. Правда, въ послѣднее время г. Васильевскій выступилъ съ теоріею о русскомъ началѣ варангскаго корпуса въ Византіи, но приводимыя у него доказательства г. Геденовъ находитъ неубѣдительными, хотя самъ же (замѣтимъ мимоходомъ) допускаетъ заимствование грекамъ отъ Руси слова варягъ для означенія корпуса варанговъ, и даже готовъ на этотъ случай допустить сохраненіе отчасти въ русскомъ нарѣчій ринизма общеславянскаго

Впрочемъ лингвистическіе доводы норманистовъ основаны не столько на этимологіи слова варягъ, сколько на объясненіи изъ скандинавскаго языка именъ первыхъ нашихъ князей и ихъ приближенныхъ. Поэтому и г. Геденовъ значительную долю первой части посвящаетъ вопросу объ именахъ. Подробному разбору толкованій каждаго имени въ отдѣльности онъ предпосылаетъ нѣсколько общихъ соображеній относительно оноματοлогіи и значенія ея выводовъ для рѣшенія варяжскаго вопроса. «Между тѣмъ какъ необыкновенно богатая скандинаво-германская оноματοлогія даетъ обильныя средства для объясненія (хотя бы приблизительнаго) всевозможныхъ именъ»²⁾; славянская напротивъ отличается большою скудостью, происшедшею частію потому, что отдѣльныя личности вообще рѣдко являются двигателями народной жизни у славянскихъ племенъ, а главное потому, что за немногими исключеніями исторіи славянскихъ племенъ писаны пноземцами, на пноземныхъ языкахъ, слѣд. сообщившими намъ мало именъ, да и тѣ въ невѣрной транскрипціи.

Не смотря на эту скудость славянской оноματοлогіи, норманисты настаиваютъ, чтобы славянскими племенами признаваемы были лишь тѣ изъ упомянутыхъ въ начальной русской исторіи, которыя повторяются у другихъ славянскихъ племенъ, смыслъ которыхъ понятенъ, которыя имѣютъ не сомнѣнно славянскія окончанія и пр.

¹⁾ Стр. 160—163.

²⁾ Стр. 183.

Такія требованія норманистовъ г. Гедеоновъ находитъ чрезвычайными: въ славянской ономатологіи, какъ и во всякой другой, кромѣ составныхъ, понятныхъ по значенію именъ, есть еще простыя, которыхъ смыслъ утраченъ, форма нѣсколько удалась отъ принятаго славянскаго первообраза, употребленіе—временное, единичное; да и вообще норманисты, сами не безгрѣшныя въ дѣлѣ этимологіи, не имѣютъ права предписывать законы для славянской ономатологіи, которая должна руководиться правдами, извлеченными изъ разсмотрѣнія своего собственнаго, а не чужаго матерьяла. Самые ономатическія изслѣдованія должны быть основаны не на произволѣ, не на однихъ чисто случайныхъ созвучіяхъ, а на правдахъ благоразумной филологіи въ связи съ историческимъ значеніемъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ подлежатъ розысканіямъ; лингвистическій вопросъ не можетъ быть отдѣленъ отъ историческаго, филологъ отъ историка ¹⁾).

Примѣняя эти основныя правила къ разбору именъ нашей начальной исторіи, г. Гедеоновъ высказывается почти всегда за ихъ славянское происхожденіе. Онъ указываетъ только два мужскихъ и два женскихъ имени въ династіи нашихъ князей, норманское происхожденіе которыхъ (именъ) не можетъ подлежать сомнѣнію; но появленіе ихъ онъ объясняетъ браками русскыхъ князей съ скандинавскими принцессами; матери обыкновенно давали имена дѣтямъ, отсюда объясняется и употребленіе славянскихъ именъ въ скандинавскихъ династіяхъ, родившихся съ славянскими ²⁾).

Самое большое число именъ, объясняемыхъ норманистами изъ скандинавскаго языка, извлекается ими изъ договоровъ Олега и Игоря съ греками. Документамъ этимъ норманисты вообще придаютъ значеніе едвали не самыхъ главныхъ основаній своей системы. Соединяя начальные слова договоровъ «мы отъ рода рускаго» съ слѣдующими за тѣмъ именами, среди которыхъ самъ г. Гедеоновъ находитъ не менѣе 12 германо-скандинавскаго происхожденія, норманисты дѣлаютъ заключенія о скандинавскомъ происхожденіи Руси. Такой способъ доказательства заставляетъ нашего автора остановиться подробнѣе на вопросѣ, почему скандинавскій элементъ проникъ въ договоры, и какое значеніе могутъ имѣть дипломатическія формы этихъ документовъ. Норманы, по мнѣнію г. Гедеонова, могли принимать участіе въ заключеніи договоровъ двоя-

¹⁾ Стр. 183—190.

²⁾ Стр. 256—259.